

О церковности духовной школы и богословской науки.

(Вступительная лекція).

Съ понятнымъ смущеніемъ и благоговѣйнымъ трепетомъ сердечнымъ взосель я на эту каѳедру, чтобы сказать свою первую лекцію. Въ эти самыя незабвенныя для меня минуты начинается моя дѣятельность на академической каѳедрѣ. А что-то ждетъ меня, что-то будетъ со мною здѣсь до тѣхъ поръ, когда сойду я съ этой каѳедры въ послѣдній разъ?..

Когда смѣняется кормчій на кораблѣ и новый кормчій всходитъ на свое мѣсто и берется за руль, онъ прежде всего снѣшпитъ узнать то направленіе, въ которомъ идетъ и по которому долженъ идти ввѣренный ему корабль. Зорко всматривается онъ въ темнѣющую даль, туда, гдѣ мерцаютъ во мракѣ огни спасительныхъ маяковъ, и по свѣту этихъ неподвижныхъ огней твердой и увѣренной рукой направляетъ онъ по морскимъ волнамъ бѣгъ своего корабля. Въ нѣсколько подобномъ же положеніи чувствую себя въ эти минуты и я. Суждено мнѣ здѣсь, на этой каѳедрѣ, смѣнить кормчаго опытнаго и надежнаго; суждено мнѣ хоть отчасти замѣнить незамѣнимаго. Кормчій я молодой и неопытный, въ наукѣ—малограмотный. Вотъ почему стоитъ предо мной сейчасъ во всей своей остротѣ цѣлый рядъ вопросовъ: зачѣмъ я пришелъ сюда? куда мнѣ идти? и что мнѣ дѣлать? Да я позволяю себѣ думать, что обстоятельства времени, хорошо всѣмъ вамъ извѣстныя, и тѣ запросы, которые въ такомъ изобиліи и такъ настойчиво предъявляются къ намъ и къ нашей школѣ за послѣднее время съ разныхъ сторонъ—все это не только предо мной, но и предъ всѣми вами въ началѣ каждаго учебнаго года, можетъ быть съ не меньшей

остротой, ставить рядъ подобныхъ же вопросовъ: зачѣмъ мы пришли сюда? что намъ дѣлать? къ какимъ цѣлямъ стремиться? Надѣясь, что есть сейчасъ въ нашемъ настроеніи нѣчто общее, я и беру на себя смѣлость по мѣрѣ моего разумѣнія отвѣтить на эти вопросы въ моей первой вступительной лекціи, вступительной не въ курсъ этого учебнаго года, но вступительной во всю мою академическую жизнь и дѣятельность.

Намъ тоже нужно посмотрѣть, не видно-ли гдѣ-нибудь свѣтлаго намъ маяка.

Вѣдь если поэтъ вообще говорить, что
 свѣтильникъ истиннаго свѣта
 нигдѣ онъ ярче не горитъ,
 чѣмъ въ книгахъ Новаго Завѣта,

то, думается, мнѣ, преподавателю Новаго Завѣта, и всѣмъ вамъ, собравшимся на лекцію по Священному Писанію Новаго Завѣта, намъ вмѣстѣ наиболѣе прилично искать себѣ руководящаго свѣта именно въ книгахъ Новаго Завѣта. Начиная свою дѣятельность въ качествѣ преподавателя Новаго Завѣта, я естественно прежде всего задаюсь вопросомъ: да какъ именно *Новый Завѣтъ* учить о всякой вообще дѣятельности человѣка-христіанина?

Задаваясь этимъ вопросомъ, вспоминаю я прежде всего, конечно, притчу Господа о талантахъ. Каждому изъ насъ данъ Господомъ талантъ. Не должны мы зарывать свой талантъ въ землю, какъ сдѣлалъ рабъ лукавый и лѣнивый. Но не можемъ мы думать, что талантъ данъ намъ въ нашу личную пользу, въ нашу полную собственность. Нѣтъ, придетъ къ намъ Господинъ нашъ и потребуетъ отчета. Что же такое мы? Не что иное, какъ приставники къ чужому имѣнію. Мы только слуги нашего Господина. Его имѣнье должны умножать. Талантъ не нашъ и намъ нѣтъ въ немъ похвалы. Получить кто пять талантовъ и приобрести на нихъ еще другіе пять талантовъ, — одно можетъ онъ думать и говорить: я—рабъ неключимый; сдѣлалъ только то, что долженъ былъ сдѣлать. Уже на основаніи этой притчи Господа можно судить о томъ, какъ *Новый Завѣтъ* учить о всякой дѣятельности: всякая дѣятельность должна направляться къ тому, чтобы умножать духовное имѣніе Господина.

Въ сущности то же самое, но яснѣе и подробнѣе говорить

св. ап. Павелъ. То, что въ Евангеліи называется талантомъ. ап. Павелъ именуеть духовнымъ дарованіемъ. Дарованія различны, но они имѣють одинъ общій источникъ—Духа Святаго. Каждому дается проявленіе Духа на пользу: одному дается Духомъ слово мудрости, другому слово знанія, тѣмъ же Духомъ; иному вѣра, тѣмъ же Духомъ; иному дары исцѣлений, тѣмъ же Духомъ; иному чудотворенія, иному пророчество, иному различеніе духовъ, иному разные языки, иному истолкованіе языковъ. Все же сіе, какъ бы особенно подчеркиваетъ Апостоль, производитъ одинъ и тотъ же Духъ, раздѣляя каждому особо, какъ Ему угодно (1 Кор 12 4-11). Такимъ образомъ, всѣ способности человѣка христіанина не что иное, какъ духовныя дарованія. Уже то, что каждому человѣку дано особое дарованіе и всѣ дарованія имѣють одинъ общій источникъ, уже это указываетъ на цѣлостную особую цѣль бытія всѣхъ этихъ духовныхъ дарованій. Не ради самого человѣка и не для него лично дано ему Духомъ дарованіе. Дѣйствительно, Апостоль, лишь только сказалъ о раздѣленіи духовныхъ дарованій, сейчасъ же начинаетъ говорить о томъ тѣлѣ, которое составляютъ христіане. Всѣ христіане—члены одного тѣла: хотя ихъ и много, но они составляютъ одно тѣло. Ни одинъ изъ членовъ тѣла не составляетъ какого-то самостоятельнаго и самозамкнутого бытія. Ни одинъ членъ не можетъ сказать, что онъ къ тѣлу не принадлежитъ. Всѣ члены неразрывно связаны между собою, такъ что одинъ другому не можетъ сказать: ты мнѣ не нуженъ (1 Кор 12 12-27). Ради всего тѣла и каждый отдѣльный его членъ одаренъ духовнымъ дарованіемъ. Каждый отдѣльный членъ только тогда живъ и дѣйствуетъ согласно со своимъ назначеніемъ, когда онъ неразрывно связанъ со всѣмъ организмомъ тѣла. Ап. Павелъ немедленно же начинаетъ говорить о служеніи отдѣльныхъ членовъ всему тѣлу. Иныхъ Богъ поставилъ въ Церкви апостолами, пророками, учителями, другимъ далъ дары исцѣленій, вспоможенія, управленія, пастырства, учительства (1 Кор 12 28. Еф 4 11). Все это дано на дѣло служенія, для совершенствованія христіанъ (*πρὸς τὸν καταρτισμὸν τῶν ἁγίων*), для созиданія тѣла Христова, доколѣ всѣ придемъ въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова. Тѣло Христово—Церковь и возрастаетъ въ своемъ духовномъ совершенствѣ при дѣй-

ствѣн въ свою мѣру каждаго члена всяцѣмъ осязаніемъ подаенія, διὰ πείρας ἁφῆς τῆς ἐπιχορηγίας, т. е. разнообразнымъ воспріятіемъ подаенія даровъ Духа (Еф 4 12-13. 16). Можно припомнить еще и слова ап. Петра: служите другъ другу каждый тѣмъ даромъ (*χαρίσμα*), какой получилъ, какъ добрые домостроители (*οἰκονόμοι*) многообразной благодати Божіей (1 Петр 4 10). Если обобщить все приведенныя мною мѣста, то новозавѣтный взглядъ на смыслъ и сущность всякой человѣческой дѣятельности можно бы формулировать такъ: всякая дѣятельность въ основѣ своей имѣетъ дарованіе Духа, а по своему обнаруженію и по цѣлямъ она должна быть церковнымъ служеніемъ. Ради причастія къ церковному тѣлу даются человѣку дарованія и только тогда и онъ самъ можетъ сказать о себѣ и другіе подумать о немъ, что употребляетъ онъ ихъ согласно съ ихъ назначеніемъ, когда обращаетъ онъ ихъ на служеніе Церкви. Всякое дарованіе налагаетъ на человѣка долгъ; оно непременно должно проявляться въ церковномъ служеніи. Вотъ какъ учитъ Новый Завѣтъ объ употребленіи дарованій, т. е. о дѣятельности.

Святые отцы и учителя Церкви прежде всего находятъ, что это ученіе „низлагаетъ великое возношеніе высокоумія“ (Блаж. Теофилактъ. Толкованіе на посланіе къ Римлянамъ. Казань 1866, стр. 168). „Чтобы смирить превозносящихся“, способности Апостоль назывались дарованіями (Тамъ же, стр. 169). „Не ради собственнаго достоинства, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, одинъ получилъ больше, а другой меньше, но для другихъ“ (На посл. къ Ефес. бес. 112. Творенія, т. 11, стр. 97). „Хотя мы имѣемъ благодать различныхъ дарованій, однако все они даются для служеній Церкви“—говоритъ св. Ефремъ Сиринъ (Творенія, изд. Моск. Дух. Акад., ч. 7. 1895, стр. 50). А блаж. Теофилактъ въ новозавѣтномъ взглядѣ на смыслъ и сущность человѣческой дѣятельности усматриваетъ нѣчто утѣшительное для получившаго меньшее дарованіе. Услышавъ имя дара и получивъ меньше, онъ могъ поскорбѣть о томъ, что обдѣленъ въ дарованіи. Но слыша о служеніи, не такъ: ибо оно указываетъ на трудъ и потъ. Что же скорбѣть, когда Господь другимъ повелѣлъ трудиться больше, а его пощадилъ (Толкованіе на посланіе къ Коринѳянамъ. Казань 1867, стр. 153).

Въ Новомъ же Завѣтѣ мы можемъ видѣть, какъ этотъ

именно взгляды на сущность дѣятельности прилагаютъ къ себѣ св. Апостолы. Не иначе называютъ они себя, какъ только служителями. Каждый, говоритъ св. ап. Павелъ, долженъ считать насъ, какъ служителей Христовыхъ и домостроителей таинъ Божіихъ (1 Кор 4). Кто Павелъ? кто Аполлосъ? Они только слѣзители, и при томъ посколькѣ каждому даль Богъ. Павелъ насадилъ, Аполлосъ поливалъ, но возрастилъ Богъ: посеми и насаждающій и поливающій ничто, а все Богъ возвращающій (1 Кор 3 5-7).

И указалъ, какъ Новый Завѣтъ смотритъ на всякую дѣятельность: всякая дѣятельность есть церковное служеніе, должна направляться къ пользѣ церковной. Эта новозавѣтная мысль не можетъ ли и намъ освѣтить тотъ путь, по которому предстоитъ намъ идти? Думаю, что можетъ.

Прежде всего нельзя не замѣтить, что изложенный взглядъ на смыслъ и сущность человѣческой дѣятельности стоитъ въ самой рѣзкой противоположности съ господствующими мірскими взглядами на тотъ же предметъ. Вѣдь обычно всякій талантъ почитается нѣкоторымъ личнымъ преимуществомъ, служить предметомъ гордости. Употребляется этотъ личный талантъ на созиданіе личной карьеры, личнаго благополучія и вся дѣятельность такъ часто направляется лишь къ тому, чтобы тѣнить бѣса честолюбія, который вообще съ большой охотой и готовностью вселяется во всякаго человѣка. Обычный мірской взглядъ на дѣятельность не только не „низлагаетъ великаго возношенія высокоумія“; наоборотъ, это пагубное возношеніе онъ всячески питаетъ и укрѣпляетъ. Кто хочетъ руководиться новозавѣтнымъ взглядомъ на свою дѣятельность, тотъ долженъ рѣшительно отвергнуть чуждые христіанству предразсудки, по которымъ талантъ есть личное преимущество и служить предметомъ чести и „благородной“ гордости для своего обладателя. Нужно прежде всего смирить свое грѣховное превозношеніе, сознать себя рабомъ, приставникомъ, строителемъ, *отхожѣ*омъ Господней благодати.

Но возникаетъ недоумѣніе. Вѣдь для каждаго совершенно ясно и не требуетъ какихъ-нибудь особыхъ поясненій тотъ фактъ, что жизнь современнаго человѣка очень и очень усложнилась. Пути жизни человѣческой разнообразны и многообразны; дѣятельность также весьма разносторонняя.

Неужели же можно желать и требовать, чтобы при всемъ разнообразіи своихъ жизненныхъ путей, при всемъ многообразіи своей дѣятельности, всѣ люди, — христіане, конечно —, неизмѣнно держались новозавѣтнаго взгляда на свою жизнь и дѣятельность, себя самихъ прежде всего считая членами живаго тѣла Церкви, дѣятельность свою почитая церковнымъ служеніемъ и направляя ее именно къ созиданію тѣла Христова, къ пользѣ церковной? Требовать всего этого, думать даже объ этомъ не есть-ли это наивная и несбыточная мечта? Не есть-ли новозавѣтный взглядъ на смыслъ человѣческой дѣятельности нѣчто непріемлемое, къ жизни вовсе непримолжимое?.. Но сейчасъ я считаю излишнимъ рѣшать вопросъ о томъ, приложимъ ли этотъ взглядъ ко всѣмъ родамъ человѣческой дѣятельности или непримолжимъ, можетъ-ли онъ быть всеобщимъ руководительнымъ началомъ или не можетъ. Думаю только одно. Для насъ, собравшихся здѣсь въ стѣнахъ высшей богословской школы, подобнаго вопроса нѣтъ и возникать онъ и не можетъ и не долженъ. Свое пребываніе здѣсь мы и можемъ и должны освѣщать новозавѣтнымъ свѣтомъ. Свѣтильникъ истиннаго новозавѣтнаго свѣта и можетъ и долженъ быть для насъ тѣмъ путеводнымъ огнемъ, по которому нужно намъ направлять свою академическую жизнь и дѣятельность.

Наша школа—церковная школа; устроила ее Церковь для удовлетворенія своихъ насущныхъ нуждъ и потребностей. Въдѣ „Православная Духовная Академія есть высшее церковное училище, христіанскимъ воспитаніемъ и высшей православно-богословской наукой приготавливающее христіански-просвѣщенныхъ дѣятелей для служенія св. православной Церкви, прежде всего въ области церковно-настырской; а затѣмъ и на другихъ поприщахъ церковной дѣятельности, предпочтительно въ священномъ санѣ“. Такъ гласитъ уставъ нашей школы (§ 1). Вотъ почему кто другой, а ужъ мы то, конечно, прежде всего должны сознавать себя членами Церкви, жить ея жизнью, утѣшаться ея радостями, скорбѣть и болѣть ея несчастіями. Кто другой, а ужъ мы то не только можемъ, но и должны на всю свою дѣятельность смотрѣть исключительно какъ на церковное служеніе. Одни изъ насъ призваны разрабатывать нужную для Церкви науку: другіе въ готовомъ видѣ получаютъ тѣ научныя знанія, которыя

нужны будутъ имъ на различныхъ поприщахъ церковнаго служенія—пастырскомъ, миссіонерскомъ, духовно-учебном. (§ 2). Но ясно, что и тѣхъ и другихъ должна одушевлять одна общая идея; одна общая идея должна давать направленіе ихъ дѣятельности, это—идея церковнаго служенія, идея Церкви, членами которой мы прежде всего должны себя сознавать. Не ради насъ даны намъ силы душевныя и способности различныя, а ради Церкви, и не себѣ должны мы угождать своей дѣятельностью, а Церкви. При свѣтѣ Новаго Завѣта должны мы сознать всю свою дѣятельность и возложить ее на свои плечи не иначе, какъ *церковное послушаніе*.

Церковное послушаніе беру на себя и я, восходя на эту кафедру. Вѣдь только Церковь даетъ смыслъ и цѣну земному бытію; только служеніе Церкви, по моему вѣрованію и убѣжденію, даетъ смыслъ и цѣну нашей земной дѣятельности... Если не служить Церкви,—нѣтъ никакого смысла во всякой дѣятельности и не зачѣмъ тогда жить на Божьемъ свѣтѣ.

Идея Церкви и въ научной дѣятельности можетъ имѣть особое руководящее значеніе. Къ Церкви мы не только принадлежимъ, но мы и вѣруемъ въ Церковь, исповѣдуя эту свою вѣру въ девятомъ членѣ символа вѣры. Церковь выше отдѣльной личности со всѣми ея силами и способностями, потому что Церковь соборная имѣетъ премірныя силы Духа Святаго. Поэтому Церковь для нашей личности есть непрекаемый и совершенный авторитетъ; она—столпъ и утвержденіе истины. Наука стремится къ познанію истины. Въ наукѣ каждая отдѣльная личность познаетъ истину. Очевидно, Церковь, какъ сокровищница истины, можетъ и должна быть руководительнымъ авторитетомъ для всякаго ищущаго истины. Не Церковь должна отказываться отъ своихъ вѣковѣчныхъ истинъ во имя научнаго познанія каждой отдѣльной личности, а наоборотъ, эта личность должна отрекаться отъ своихъ научныхъ пріобрѣтеній, если они противорѣчатъ Церкви. Иначе быть не можетъ хотя бы уже потому, что на раскидистомъ и величавомъ древѣ познанія листья мѣняются пожалуй даже чаще, чѣмъ на деревьяхъ нашего академическаго сада. Быстро вырастаютъ они, зеленеютъ нѣкоторое время, но скоро желтѣютъ, вянутъ, сохнутъ, падаютъ и про-

падаютъ. И что было-бы, если-бы Церковь въ своемъ ученіи приспособлялась къ научному познанію каждой отдѣльной личности или каждой отдѣльной исторической эпохи! Сколько разъ пришлось-бы ей отрицать самое себя? А развѣ не было бы это самоуничтоженіемъ Церкви? Вѣруя въ Церковь, мы уже обладаемъ истиной непосредственно, но разсудокъ ничтъ знанія опосредствованнаго. Это законное и естественное исканіе должно получить свое полное удовлетвореніе тогда, когда и разсудочнымъ путемъ придетъ человѣкъ къ тому же, во что онъ вѣрилъ. Въ наукѣ можемъ мы искать подтвержденія своей вѣры и научнаго оправданія Церкви. Эту послѣднюю задачу науки часто не сознаютъ и даже отвергаютъ. Нерѣдко работникъ науки приходитъ къ ортодоксальнымъ выводамъ, оправдывающимъ вѣру Церкви. Но скажите ему, что къ этимъ своимъ выводамъ пришелъ онъ потому, что такъ Церковь учитъ,—онъ сочтетъ себя обиженнымъ и будетъ утверждать, что ему вовсе и дѣла нѣтъ до церковнаго ученія, что выводы его подсказаны ему совершенно объективными научными данными и съ ученіемъ Церкви совпали лишь случайно и непреднамѣренно. Бываетъ, конечно, и такъ, но если стремленіе къ оправданію церковной истины почитается предосудительнымъ, то гдѣ же вѣра въ Церковь? Если я вѣрую, что Церковь обладаетъ истиной, то развѣ есть что-нибудь непохвальное въ томъ, что въ научной работѣ я сознательно стремился къ истинѣ? Вѣдь кормчій корабля не считаетъ своимъ преступленіемъ то, что въ направленіи своего корабля руководится онъ свѣтомъ неподвижныхъ маяковъ? И если мы считаемъ себя членами Церкви, если мы вѣруемъ въ Церковь, то, конечно, мы будемъ въ своей научной работѣ присматриваться къ немерцающему свѣту неподвижныхъ христіанскихъ догматовъ. Въ этомъ для насъ нѣтъ ничего предосудительнаго; какъ члены Церкви, иначе мы и поступать не можемъ. Отсюда выводъ: наша дѣятельность въ стѣнахъ Академіи есть не только церковное послушаніе, но и протекать она должна въ свободномъ послушаніи Церкви.

Выслушавъ это, не подумалъ ли кто: что же это такое? Взойдя на академическую кафедру, онъ унижаетъ науку, подчиняя ее Церкви и изображая ее какой-то служашкой Церкви! Да, наука, особенно богословская, по моему убѣж-

денію, должна быть *ancilla Ecclesiae*, но такое положеніе вовсе не унизительно для науки; служить Церкви ни для кого не унизительно. *Ancilla Ecclesiae*, это — настоящее мѣсто науки, которое она только и можетъ занимать для человѣка, сознательно исповѣдающаго свою искреннюю вѣру въ Церковь.

Трудно и даже невозможно служить двумъ господамъ, но едва-ли легче не служить никому. Два господина требуютъ себѣ служенія и исключительнаго поклоненія. Одинъ Господинъ — Христосъ, другой — антихристъ. Выборъ возможенъ только изъ этихъ двухъ враждебныхъ другъ другу царей и одному кланяемся мы непременно. Христово дѣло на землѣ есть Церковь, противъ которой ведутъ свою ожесточенную, но безуспѣшную войну силы ада. Есть силы ада и есть воинство Христово. И та и другая изъ враждующихъ сторонъ имѣетъ своихъ воиновъ, вооруженныхъ разными доспѣхами, въ томъ числѣ и наукой. Сама по себѣ наука вовсе еще не опредѣляетъ, на какую сторону долженъ человѣкъ стать; это опредѣляетъ вѣра, а ужъ за вѣрой слѣдуетъ и наука. Вѣруетъ человѣкъ во Христа, — наука для него и въ его рукахъ также служить Христу. Вѣруетъ человѣкъ въ антихриста, — антихристово ярмо надѣваетъ онъ и на науку. Судьба хотя-бы Новаго Завѣта — вотъ доказательство того, что наука слѣдуетъ за вѣрой. Вѣдь если бы было наоборотъ, — если бы все дѣло было въ наукѣ и вѣра слѣдовала за наукой, то давно-бы пора ученымъ людямъ до чего-нибудь договориться относительно Новаго Завѣта. Но что мы видимъ? Сотни лѣтъ вокругъ Новаго Завѣта ломаются ученые копья, написано по шкапу книгъ на каждый стихъ, полки книгохранилицъ гнутся подъ тяжестью ученыхъ произведеній, но и доселѣ все еще появляются самыя ортодоксальныя книги одновременно съ виртуозно-отрицательными и Новый Завѣтъ въ одно и то же время для однихъ просто литературный памятникъ перваго или втораго вѣка нашей эры съ довольно таки темнымъ прошлымъ, а для другихъ онъ — слово Божіе живое и дѣйственное, онъ — Священное Писаніе. Кто слѣдилъ за исторіей науки и размышлялъ надъ ней, тотъ, конечно, съ немалымъ удивленіемъ замѣчалъ, что часто для самыхъ серьезныхъ ученыхъ висящая если не на воздухѣ, то на тоненькой питочкѣ ничтожнаго факта гипотеза бываетъ дороже противоположнаго ей утвержденія, покоющагося на цѣ-

ломъ рядѣ надежныхъ для другаго фактовъ. Что же заставляетъ отвергать факты и предпочитать имъ гипотезы? Вѣра. Одной изъ наиболѣе цѣнныхъ истинъ, въ которыхъ увѣрился я здѣсь въ Академіи, считаю я ту, что такъ называемой свободной науки нѣтъ и быть не можетъ. Наука свободна, пока она отвлеченна. Свободенъ ученый человѣкъ, пока дѣлаетъ онъ математическія выкладки, которыя не касаются его души, его жизни. Но какъ только затронуть вопросъ жизни и смерти, спасенія и гибели, наука тотчасъ подчиняется Христу или антихристу, потому что отвѣтъ на эти вопросы зависитъ не отъ науки, а отъ вѣры во Христа или антихриста. Въ наукахъ отвлеченныхъ, въ математикѣ напр., много установлено безспорныхъ и общепризнанныхъ истинъ, но о вопросахъ жизни спорять безъ конца, спорять страстно и ожесточенно, и это именно потому, что споръ идетъ о вѣрѣ, а такіе споры всегда бываютъ самыми напряженными.

Гдѣ о вѣрѣ споръ
тамъ, какъ вихрь сорь,
и любовь, и дружба сметены.

Я сказалъ о математикѣ, что тамъ много установленныхъ непоколебимо истинъ, но весьма мудро разсуждалъ одинъ изъ философовъ (Лейбницъ). Если-бы, говорилъ онъ, математика вооружалась противъ нашихъ страстей, то мы, навѣрно, не менѣе часто и тяжело нарушали-бы законы математики, чѣмъ дѣлаемъ это теперь въ отношеніи законовъ морали, оспаривали-бы ея положенія и всѣ ея аксіомы и теоремы самымъ искреннимъ образомъ почитали-бы за софизмы.

Наша богословская наука по преимуществу предъ всѣми другими касается жизни нашей, нашего спасенія и гибели. Богословская наука самая жизненная изъ всѣхъ наукъ и ни одна изъ наукъ не можетъ идти въ этомъ отношеніи въ какое-нибудь сравненіе съ наукой богословской. Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли здравому человѣку-христіанину сказать, что для его жизни и его спасенія нужнѣе знать, какъ протекали цуническія войны, что дѣлали какіе-нибудь тамъ каролинги или капетинги, какіе пищеварительныя органы у майскаго жука или бабочки-мотылька, что все это знать ему нужнѣе, чѣмъ быть, напр., научно увѣреннымъ въ под-

личности евангеліи и посланій апостольскихъ? И думаю, что всякій церковный человекъ скажетъ: да Богъ съ нами, какъ тамъ питаются разные жуки, чѣмъ занимались эти разные капетинги и каролинги,—для моей жизни, для моего спасенія несравненно важнѣе увѣриться въ томъ, что св. Евангеліе—произведеніе св. Апостоловъ, посланныхъ въ міръ Христомъ, а не поддѣлка втораго вѣка. И конечно такъ. Вопросы, подлежащіе нашему обсужденію, это—вопросы жизни и смерти, спасенія и погибели, это самые жизненные вопросы. А потому и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что богословская наука менѣе свободна, чѣмъ всякая другая; она съ большимъ самоотверженіемъ служитъ Христу или антихристу.

Если мы усвоимъ такой именно взглядъ на взаимоотношеніе Церкви и науки, вѣры и науки, то мы должны раз навсегда стать выше нѣкоторыхъ распространенныхъ предразсудковъ. У насъ весьма нерѣдко лишь отрицательную, противоцерковную науку называютъ „свободной“, „безпристрастной“. Напрасно! Она пристрастна гораздо больше, чѣмъ наука церковная, потому что она подчинена антихристу, а ужъ, конечно, антихристу нельзя отказать въ постоянномъ стремленіи извращать истину и дѣйствительность. Мы же, по заповѣди ап. Павла, свое и научное помысленіе плѣняемъ въ послушаніе Христу (2 Кор 10%). Еще нерѣдко нецерковное направленіе науки именуютъ „передовымъ“, „прогрессивнымъ“. Не понятно это для человека церковнаго. Прогрессивна истина, а истина въ Церкви. Отрицаніе церковной истины есть ложь, а неужели ложь стоитъ впереди истины? Неужели ложь прогрессивнѣе истины? Эти и подобные предразсудки пора бы ужъ бросить, особенно намъ, людямъ церковнымъ.

Итакъ, говоря, что наука должна быть *ancilla Ecclesiae*, мы тѣмъ самымъ утверждаемъ лишь то, что есть: наука всегда есть, *ancilla* или Христа и Его св. Церкви, или антихриста, ведущаго постоянную брань съ ненавистной ему Церковью. А потому вопросъ только въ томъ, вѣруемъ-ли мы въ Церковь? Если вѣруемъ, то да не стыдимся исповѣдать эту свою вѣру ясно и открыто и да не стыдимся въ стѣнахъ высшаго церковнаго училища нести церковное послушаніе въ послушаніи Церкви! А если не вѣруемъ? А если не вѣ-

руемъ, тогда намъ нечего здѣсь дѣлать и намъ нужно поспѣшить выйти отсюда, ибо, думается мнѣ, въ *Духовной Академіи*, въ стѣнахъ лавры преп. Сергія враждовать съ Церковью и антихристово служеніе предпочитать Христову послушанію не только неумѣстно, но даже и нечестно.

Церковное послушаніе нести въ послушаніи Церкви—вотъ мой послыльный отвѣтъ на поставленные въ началѣ лекціи вопросы.

Я, господа, слишкомъ молодъ, но и не настолько наивенъ, чтобы воображать и называть себя вашимъ учителемъ. Нѣтъ, обращаясь къ вамъ, я могу говорить о нашемъ поколѣніи. Думается мнѣ, что предъ нашимъ поколѣніемъ лежитъ великая задача; больше того, на нашемъ поколѣніи лежитъ нравственный долгъ сознать себя именно церковными послушниками и всю свою жизнь и дѣятельность считать не чѣмъ инымъ, какъ только церковнымъ послушаніемъ. Дѣло въ томъ, что какъ всегда и повсюду, кораблю церковному приходится плыть противъ теченія современной жизни человѣчества. Строй этой жизни,

всегда обмановъ полный,
на Господню благодать
мутно плещущія волны
онъ старается поднять.

Вѣдь развѣ не ясно до очевидности, что триумфальная колесница культуры и мнимаго прогресса ѣдетъ мимо Церкви. Тѣсенъ и узокъ для этой колесницы путь, продолженный Христомъ и поддерживаемый Церковью. Міръ, уже давно отдѣлившійся отъ истинной Церкви, теперь даже и забылъ про нее, не видя и не понимая ничего, кромѣ своихъ суррогатовъ Церкви. У насъ на Руси про Церковь забыть трудно и пожалуй даже невозможно, потому что элементы церковности вошли въ народный бытъ и характеръ; да и о существованіи своемъ Церковь у насъ заявляетъ еще довольно громко. Вотъ почему у насъ можно враждовать противъ Церкви, бороться противъ нея, но совѣмъ не замѣчать Церкви нельзя. Однако несомнѣнно, что отношенія къ Церкви перемѣнились и у насъ. Говоря наглядно, Церковь для многихъ и у насъ стала не матерью, не матушкой, а бабушкой. А вѣдь отношеніе къ бабушкѣ бываетъ обыкновенно совѣмъ не то, что отношеніе къ матери. Матери сынъ слу-

шается, естественно живетъ съ нею одной жизнью, одними мыслями и интересами. Ну, а бабушка не то. Взгляды у ней часто бываютъ слишкомъ отсталыми. Можно ей не возражать, не спорить, чтобы не сердить, а жить то можно и по своему. Такъ и Церковь многимъ у насъ кажется уже какой-то чуть не выжившей изъ ума старушкой, бабушкой-ворчуньей съ совершенно устарѣлыми и пелѣвыми взглядами, которые собственно и никогда-то не имѣли жизненнаго смысла. Хорошо еще что взглядовъ этихъ она никому особенно не навязываетъ. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ у насъ почти нѣтъ никакой церковной дисциплины и отъ принадлежащихъ къ Церкви ровно ничего церковнаго не требуется. У насъ уже считается самымъ обыкновеннымъ и безобиднымъ явленіемъ, если человѣкъ именуется „въроисповѣданія православнаго“, а о Церкви, объ ея догматахъ и объ ея уставахъ жизни считаетъ совершенно непозволительнымъ говорить иначе, какъ тономъ пренебреженія и насмѣшки. Преданность Церкви всегда готова заподозрить въ невѣжествѣ и своекорыстіи. А человѣкъ церковный просвѣщенный и безкорыстный представляется не иначе, какъ мечтателемъ жалкимъ или опаснымъ. Чаше и чаще приходится теперь людямъ церковнымъ слышать крикъ оглушительный:

Кстати-ли

вымыслы ваши въ нашъ вѣкъ положительный!

Много-ли васъ остается, мечтатели?

Сдайтеся натиску новаго времени!

Миръ отрезвился, прошли увлеченья.

Гдѣ-жъ устоять вамъ, отжившему племени,
противъ теченья?

Думается мнѣ, что со многими и изъ васъ случалось узнать въ васъ студента Духовной Академіи и тотчасъ причисляютъ къ „отжившему племени“, которое предъ натискомъ новаго времени устоять не можетъ и не должно. И я не знаю болѣе печальнаго и тягостнаго зрѣлища, чѣмъ видѣть студента Духовной Академіи, извивающагося и оправдывающагося въ томъ, что онъ—студентъ именно Духовной Академіи, оправдывающагося перѣдко самыми унижательными доводами, вродѣ того, что у насъ молъ не непременно нужно быть духовнымъ, даже наоборотъ, что и науками-то у насъ можно заниматься свѣтскими. Нѣтъ, гос-

пода, намъ, паблюдая современное отношеніе къ Церкви, слѣдуетъ и необходимо отвѣчать лишь умноженіемъ любви и безкорыстной преданности Церкви, отвѣчать именно сознательнымъ принятіемъ на себя церковнаго служенія, церковнаго послушанія. Это наше настоящее призваніе. Его нечего стыдиться; оно высоко, идеально и несравненно; оно — свято. Тогда можемъ мы надѣяться, что

верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечное.

Вѣрю въ наше святое значеніе

мы же возбудимъ теченіе встрѣчное

противъ теченія!

Значеніе наше свято. Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. А люди съ искренней вѣрой въ святость своего дѣла Церкви теперь особенно нужны.

Церковь распростерлась по всему міру. А много-ли имѣетъ она вышшихъ церковныхъ училищъ? Если поразмыслить надъ этимъ вопросомъ, то невольно придешь къ мысли, что каждая Академія Церкви очень нужна, что и студентъ Академіи не безразличенъ.

Бываютъ же времена и лѣта, когда нужда эта возрастаетъ. Такое время, думается мнѣ, переживаетъ теперь наша все-россійская Церковь. Скажу объ этомъ кратко.

Можетъ быть нигдѣ не имѣла Церковь такихъ благоприятныхъ условій для существованія и процвѣтанія, какъ въ древней Руси. Тогда-то именно и нажить былъ нашъ громадный народный духовный капиталъ. Но два вѣка назадъ, при Петрѣ I, показалась Церковь помѣхой для перенесенія на русскую землю полуязыческихъ формъ жизни государственной и общественной и положеніе ея рѣзко измѣнилось. Ей былъ отведенъ лишь уголокъ народной жизни. Она лишена была патріарха и свободы канонической соборной жизни. Порабощенное православіе сохранило имя „господствующаго“; его внѣшними мѣрами охраняли отъ еретическихъ поползновеній. Плоды такого двухъ-вѣковаго положенія Церкви могли быть и были очень печальны. Церковная жизнь ослабѣла вообще, выродилась мѣстами въ формальность. Богословіе потеряло святоотеческое дерзновеніе и ниспало до схоластики. Служеніе Церкви похоже стало на чиновничество. Пастыри начали взирать на Церковь лишь какъ на кормильницу духовнаго сословія и, надѣясь на внѣшнюю государствен-

ную охрану, привыкли больше заниматься тѣмъ же, чѣмъ занимался на днѣ корабля пророкъ Іона, когда бѣжалъ въ Фарисей (Іон 15). Въ нашей церковной жизни вообще не мало явленій, которыя объясняются лишь тѣмъ, что за дѣлѣти лѣтъ привыкли люди жить за крѣпкой стѣной, ограждающей и стѣсняющей въ одно и то же время. И вотъ вдругъ стѣна эта пала почти до самаго своего основанія. Враги врываются всюду; ихъ нужно встрѣчать съ открытой грудью, а прежніе воины чувствовали себя на своемъ мѣстѣ только за крѣпкой и высокой стѣной. Нужны новые люди, новые воины, не щадящіе жизни своей, когда приходится бѣдствовать „за законы отеческіе“. Нужны люди, сознательно живущіе жизнью Церкви, сознательно и убѣжденно взявшіе на себя церковное послушаніе, церковное служеніе. Нужны вдохновенные пророки, а не исполнительные чиновники! Нужны... Нужны... А вѣдь всѣ эти „нужны“ направлены къ намъ, къ нашему поколѣнію.

Нужно строить новыя стѣны вокругъ Церкви. Любовь къ Церкви, преданность дѣлу церковному, самоотверженное желаніе служить Церкви до самопожертвованія—вотъ тѣ камни, изъ которыхъ должна создаваться теперь достойная Церкви ограда отъ враговъ. Этого-то матеріала и нужно намъ запастись какъ можно больше. Начнется теперь обновленіе жизни церковной, приближеніе этой жизни къ идеаламъ каноническимъ. Только наивные люди могутъ отъ обновленія канонической жизни Церкви ждать себѣ какихъ-то привилегій и выгодъ земныхъ. Нужно признать и твердо помнить, что подлинная церковная жизнь во всѣхъ своихъ областяхъ всегда требуетъ подвига и самоотреченія.

Быть орудьемъ Бога

земнымъ созданьямъ тяжело;

Своихъ рабовъ Онъ судить строго.

Не потому-ли иные на грядущее возстановленіе подлинной канонической жизни Церкви смотрятъ съ безпокойствомъ и даже съ ужасомъ?

Но не преступно-ли бѣжать отъ служенія церковнаго, когда въ идейныхъ церковныхъ дѣятеляхъ такая нужда? Думаю я, что человѣкъ нашего академическаго поколѣнія можетъ быть въ совѣсти своей тогда только спокоенъ, когда на церковный запросъ: кого пошлю? отвѣтитъ: вотъ я; пошли меня!

Отвѣтить твердо и рѣшительно, памятуя неложное обѣтованіе Спасителя: кто потеряетъ душу свою ради Меня и Евангелія, тотъ сбережетъ ее (Мр 835).

Простится тебѣ, чего не сможешь ты.

Чего жъ не захотѣлъ—никогда! (Брандъ).

Вотъ, господа, тѣ упованія и убѣжденія, которыми одушевленъ я при своемъ выступленіи на академической кафедрѣ. Я изложилъ ихъ предъ вами прямо и откровенно.

Намъ вмѣстѣ, пока мы здѣсь, должно заниматься своимъ маленькимъ дѣломъ. Будемъ, въ мѣру силъ и способностей, изучать свой предметъ. Придется, конечно, не мало исполнять черновой работы, повидимому не имѣющей прямого церковнаго значенія и интереса. Иначе нельзя. Вѣдь научная работа только тогда надежна и имѣетъ смыслъ, когда она поставлена широко. Однако среди всей массы научной работы не нужно терять изъ виду той основной цѣли, ради которой за эту работу мы и беремся. Идея Церкви и церковнаго служенія должна насъ направлять и вдохновлять.

Къ себѣ обращаю я теперь призывъ:

Вставай же, рабъ лѣнивый Бога!

Господь велитъ: „иди“, „иди“!

Сгибайся, пахарь, надъ браздою!

Борись, борець, до поздней тьмы!

Но я былъ-бы безконечно счастливъ, если-бы могъ не только отъ себя лично, но и отъ лица всѣхъ васъ и отъ лица самой школы нашей отвѣтить на этотъ призывъ словами нашего поэта, философа, богослова и церковнаго челоука:

Иду свершать въ трудъ и потъ
удѣлъ, назначенный Тобой.

И не сомкну очей въ дремотѣ,
и не ослабну предъ борьбой.

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый!

Не отойду я отъ него,
покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего.

Владиміръ Троицкій.